

ДМИТРИЙ САВЧЕНКО

ОСКОЛКИ ФЕВРАЛЯ

ТОМ I

RUGRAM

Москва
2026

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
С13

Савченко, Д.

С13 Осколки февраля. Том 1 / Д. Савченко. — М. : RUGRAM, 2026. — 276 с. — (Осколки февраля).

ISBN 978-5-517-14251-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ
АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ
НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Марк Родионов в шестнадцать лет узнал цену потерь: сначала ушла мать, затем в уличной драке он убивает человека, защищая друга. Теперь у него две реальности. В одной — попытка склеить осколки разбитой жизни. В другой — тени прошлого, что тянут на дно. Сквозь годы, расстояния и обстоятельства он проносит образ Алисы — своей первой любви. Но когда кажется, что покой наконец обретен, приходит сообщение от нее...

Порой жесткая, как удар ножа, порой пронзительная, как первое любовное письмо, эта история о том, можно ли сдержать обещание прошлому, не разрушив настоящее.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-14251-1

© Савченко Дмитрий, 2026
© Хромцова Мария, оформление, 2026
© RUGRAM, 2026

«Иногда лучший способ погубить человека — это предоставить ему самому выбрать судьбу».

Михаил Булгаков

ПРОЛОГ

Он посмотрел в ее голубые бездонные глаза, смахнул локон рыжих волос с порозовевшей щеки и задумался о том, что ждет их дальше, если он сделает этот шаг. Она подняла на него робкий взгляд, некогда бойкая, дикая, упрямая девушка, снова чувствовала себя нежной хрупкой девочкой, отдавшейся во власть судьбе и решению человека, что не отводил от нее своего пронзительного, заставляющего что-то в глубине груди сжиматься, взгляда.

Солнце садилось, каждая секунда превращалась в вечность утомительного ожидания, но такого сладостного и жгучего. Еще момент, одно решение, которое позволит слиться их судьбам на многие года или затушит зыбкое пламя самозабвенного союза.

Он мельком перевел взгляд на ее изрядно покусанные губы, она поймала этот взгляд. Они невольно приблизились друг к другу. Ей хотелось прильнуть к его груди, обхватить шею руками и никогда не отпускать. Он буквально чувствовал ее дрожь по всему телу и разделял ее мечты. Но они понимали, что это могло им многого стоить.

Наконец, он провел своей рукой по ее талии и, находясь в пьянящем от чувств состоянии, почти несознательно потянул ее к себе, и она... конечно же, ответила поцелуем.

Свет в зале медленно угас, унося с собой последние кадры сладкой, приторной иллюзии. Фильм закончился, и тишину тут же взорвал шумный, нестройный гам поднимающегося зала. Со всех сторон доносились всхлипы и сдержанные вздохи —

девушки торопливо смахивали предательские слезы со щек, в то время как их спутники, пряча зевоту в кулак, не скрывали облегчения: наконец-то эта слащавая, слезливая тягомотина осталась позади.

Я как всегда не спешил. Остался сидеть, пока суета вокруг не улеглась, пока последние пары не скрылись в арочном проеме выхода. Лишь тогда я медленно поднялся. Порой я нахожу некоторое удовольствие в романтических историях, но на сей раз все это «великолепие» показалось мне чересчур пафосным, слишком громким в своей эмоциональности. Да, красивый финал. Объятия, поцелуи на фоне заката, музыка, набирающая силу... Но куда делись их нерешенные проблемы? Где те недоговоренности и шероховатости, что остались за кадром?

И снова я, словно занудный архивариус, пытаюсь отыскать глубинный смысл в проходном коммерческом продукте. Не могу иначе. Для меня кино — это не просто развлечение. Это акт творения, послание, зашифрованное автором в пленке. Пусть даже это послание сводится к банальному: «Мне нужны деньги на новый «Кадиллак»». Я все равно буду упрямо твердить, что даже самое паршивое искусство — все же искусство. Просто уровень его диалога со зрителем находится где-то у самого плинтуса.

Погруженный в эти невеселые размышления, я аккуратно перешагнул через липкую лужу, оставленную пролитой колой, и прошел мимо валяющихся стаканчиков из-под попкорна, мысленно ворча на нечестостлюбивую и безалаберную современную молодежь. В двадцать восемь лет я ворчу, как семидесятилетний старик. Видимо, неизбежный побочный эффект многолетней хромоты — она будто приковывает тебя не только к земле, но и к консервативному взгляду на мир, заставляя чувствовать себя динозавром, затерявшимся в новом, слишком шумном веке.

Хотя если попытаться быть честным и отринуть то идеализированное прошлое, что так любовно рисует наша память, — трава тогда не была зеленее. Мир не был добрее или проще. А мы были, пожалуй, еще глупее и наивнее, чем кажемся себе сейчас в своих приукрашенных воспоминаниях.

Я вышел на улицу, и меня обдало резким, колючим дыхани-

ем ноябрьского ветра. Он пробирався под одежду, заставляя ежиться. Как же тяжело, почти физически больно возвращаться из яркого мира экранного солнца и искусственного тепла в сырую, прозаическую реальность. Я не назову себя законченным эскапистом, но порой до тоски хочется хотя бы на мгновение перенестись куда-нибудь, где нет этой постоянной серости. В место, где единороги — не миф, а реальность, где радугу можно потрогать рукой, а политики говорят одну лишь правду. Короче говоря, в сказку.

Путь до дома предстоял неблизкий, но давняя любовь к уединенным прогулкам вновь взяла верх над здравым смыслом. Я тронулся в путь по промерзшему асфальту. Напоследок я обернулся и бросил взгляд на огромное, светящееся огнями здание кинотеатра.

И вдруг — чудо. Где-то на самом горизонте, в свинцовом одеяле туч, образовалась небольшая брешь. Тучи медленно, нехотя расступились, открывая сквозь разрыв чистое, холодное голубое «окно». И из него, словно благословение, хлынули ослепительные солнечные лучи. Они упали на мокрую мостовую, заливая ее золотым, почти нереальным светом, выхватывая из сумерек детали и краски.

Эх, словно портал в тот самый день — яркий, безмятежный, наполненный жизнью и надеждой. Я не смог сдержать улыбки и, прибавив шагу, засеменил по направлению к дому, целиком и полностью предавшись сладким, обжигающим воспоминаниям. Я знал, что очень скоро, вот-вот, увижу те самые глаза, о которых грезил все эти долгие годы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«ДВА ОТЦА И ДВА СЫНА»

ГЛАВА 1

Июнь 2008 года — 12 лет назад

Мне всегда казалось, что моя настоящая, осознанная жизнь началась именно в тот день. Все, что было до него, — лишь смутный, промелькнувший одним мгновением кадр из неотредактированной пленки детства. А потом наступила эта точка отсчета, и запустился маховик невероятных, судьбоносных событий.

Тот день был до одури солнечным и жарким. Воздух над асфальтом плавился, дрожа маревом. Детский лагерь... Боже, как же я ненавидел эти детские лагеря всей душой! Хотя сейчас, спустя годы, я бы отдал все, чтобы вернуться в тот зной, в тот запах хвои и речной воды, в те беспечные, ничего не ведавшие мгновения. Но тогда я ехал туда с каменным лицом и каменным же сердцем, полным протеста. Я даже не догадывался об истинной причине столь резкого и категоричного решения родителей — сплавить меня на все лето подальше от дома.

Мама собрала меня с непривычной, почти лихорадочной скоростью, что было совершенно несвойственно ее обычно обстоятельной и размеренной натуре. Уже тогда, в этой суете, можно было уловить тревожную ноту, понять, что за этим кроется что-то большее, чем просто летний отдых. Но я был слеп и глух, поглощенный юношеским эгоизмом и обидой.

Мама довезла меня до автобуса, где уже кипела суета вокруг других таких же «счастливиц», крепко, почти отчаянно обняла и поцеловала в щеку на прощанье. Ее губы были сухими от волнения. Я в последний раз, уже почти без надежды, пробурчал, что не хочу проводить три месяца вдали от дома, от нее, от друзей. Она улыбнулась какой-то странной, застывшей улыбкой и сказала, что три месяца пролетят незаметно и мы очень скоро увидимся.

Это была первая и самая жестокая ложь в моей жизни. Я не увидел ее, когда вернулся домой. Я не увидел ее ни через три месяца, ни через четыре... ни через год.

По возвращении меня ждали лишь «приятные» новости, о масштабе которых я не мог и помыслить. Это надломит меня, вывернет душу наизнанку, но не сломает окончательно. Я сумею оправиться, собрать себя по кусочкам, но это будет лишь первый, пробный удар судьбы. Тот самый, переломный момент, что разделит мою жизнь на «до» и «после», случится двумя годами позже — в один кошмарный день, пахнущий кровью, страхом и... нет, об этом позже.

Но все это были проблемы грядущего. А там, в том лагере, я по-юношески страдал от вещей, которые сейчас кажутся мне райскими, почти идиллическими мелочами: чуть пересоленный суп в столовой, обязательный тихий час (да, в той смене укладывали спать даже таких шестнадцатилетних лбов, как я), бесцельные прогулки по хвойному лесу и это постоянное, ни к чему не обязывающее общение, полное намеков и обещаний, которые, казалось, растянутся на всю оставшуюся жизнь.

Лагерь со странным названием «Савел» раскинулся в сосновом бору, где воздух был густым от аромата нагретой хвои и соленого бриза, долетавшего с моря. Территория обнесена покосившимся забором, выкрашенным в веселую сине-зеленую полоску, но краска уже облупилась, выдавая возраст лагеря. Центральная аллея, усыпанная мелким гравием, вела от ворот к главному корпусу — двухэтажному зданию с широким крыльцом, где по вечерам собирались вожатые. Домики отрядов, выстроенные в ряд, напоминали аккуратные скворечники: деревянные, выцветшие от солнца, с резными ставнями. Внутри — железные кровати с ватными потрепанными матрасами, тумбочки с застрявшими в ящиках камешками и ракушками, а на стенах — следы прошлых смен: выцарапанные имена, наклейки с поп-группами и криво наклеенные постеры.

Жизнь по жесткому расписанию всегда была для меня неистощающим источником тоски, и эта привычка не отпускает меня до сих пор. Но в лагере распорядок дня возводился в абсолют, становился сакральным ритуалом, чем-то вроде новой Библии, на которую молились все вожатые. Малейшее отклонение от священного графика грозило им неминуемой карой свыше от начальства, а потому мы вставали, умывались, маршировали на зарядку и поглощали пищу с точностью

швейцарского хронометра. И не дай бог кому-то вздумается задержаться в душевой кабинке дольше отпущенных сверху пяти минут — за этим следили с орлиной, почти религиозной строгостью.

Этот распорядок был высечен в камне и выглядел примерно так:

7:30 — Жестокое пробуждение под оглушительный рев вожатого: «Рота, подъем!», который усугублялся дурацкой, до зубной боли знакомой песней, горланящей из динамиков допотопного магнитофона. Звук был таким пронзительным, что, казалось, раскалывал утреннюю зарю.

8:00 — Морально-физическая зарядка на плацу. Младшие отряды, сонные и покорные, лениво тянули руки к солнцу, а старшие, включая меня, откровенно сачковали, изображая бурную деятельность и пряча зевок в ладонях.

9:00 — Завтрак в шумной столовой, насквозь пропахшей компотом и манной кашей — пресной, пузырящейся массой, которую ели лишь самые отчаянные голодающие или те, кто уже махнул на все рукой.

10:00 — 13:00 — Мероприятия. Футбол на выжженном поле, вялый волейбол, мастер-классы по рукоделию, от которых пахло советским детством, или «веселые старты» — нелепые спортивные состязания, где подростки из средних отрядов снисходительно поддавались малышне, а старшие и вовсе в них не участвовали, предпочитая роль циничных зрителей, с сигаретой, зажатой между пальцами, поглядывающих на действо из-за угла.

13:30 — Обед. Неизменная триада: жидковатый суп, котлета неопознанного происхождения и макароны, всегда слипшиеся в один огромный, безвкусный ком. Прошли годы, а я до сих пор физически помню их унылый, пресный вкус.

15:00 — 16:00 — Тихий час. Священное время всеобщей немоты, во время которого старшие отряды тайком, как ценнейший артефакт, передавали по рукам единственный на весь домик плеер с потрепанными наушниками и шепотом обсуждали записки, полученные из девичьих домиков.

16:30 — Полдник. Сладостная передышка в виде булочки с загадочными подпалинами и какао, по консистенции напоминающего жидкий грунт.

17:00 — 20:00 — Свободное время. Золотые песчинки в потоке регламента. Кто-то азартно рубился в настольный теннис, кто-то кучковался по домикам для душевных бесед, а самые отчаянные уходили за периметр территории, чтобы поискать на свою голову приключений.

20:00 — Ужин. Поглощение риса с сосиской, плавающей в дешевом кетчупе.

21:00 — Кульминация дня: дискотека в пыльном актовом зале или костер у главного домика. Под разбитую гитару горланили «Кино» и «Короля и Шута», пытаясь докричаться до чьей-то души. Малышей в это время сгоняли в импровизированный «кинотеатр» — комнату с телевизором на тумбочке.

22:30 — Официальный отбой. Но лишь на бумаге. Только это время не было подвластно строгой дисциплине. На деле же начинался самый важный, нигде не прописанный час — час шепотом произнесенных тайн, обсуждения прошедшего дня и признаний в том, кто кому нравится. Его продолжительность была плавающей и целиком зависела от энергетики вечера: если народ еще плясал на дискотеке, отбой сдвигался, а если все дружно сидели у костра, засиживались и до полуночи. В начале смены, пока все ребята были еще робкие и стеснительные, танцы затухали, едва успев начаться, и все дружно тянулись к огню. А ближе к концу, когда все успели подружиться и привыкнуть друг к другу, дискотека могла длиться вечность, отодвигая сон и костры на самый задний план.

После вечернего мероприятия загорались фонари, лагерь затихал, и только редкий смех из домиков да треск цикад нарушал эту приятную тишину.

За лагерем же располагались бескрайние поля с высокой травой, где прыгали кузнечики и прятались ящерицы. В пяти минутах ходьбы — небольшое озерцо, мутное и теплое, где купались, когда не было выезда на море. А вот до самого моря — «целых» два километра, и ходить туда запрещали: дорога шла через оживленную трассу. Поэтому только два раза в неделю лагерь грузился в старый автобус «ПАЗ» с сильно потрепанными сиденьями и ехал на пляж.

Море было огромным, соленым, с волнами, которые сбивали с ног малышей, а старшие ныряли с пирса, демонстрируя удаль.